

УДК 32.001

Позиции российского монарха как рационального диктатора в контексте теории общественного выбора

Коновалов Денис Александрович

Преподаватель, кафедра политологии,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
644077, Российская Федерация, Омск, пр. Мира, д. 55а;
e-mail: denko1990@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена исследованию позиций российского монарха в контексте теории общественного выбора. В статье дано институциональное определение термина «монархия», которое впоследствии приводит к представлению общих позиций поведения российского монарха как рационального диктатора.

Для цитирования в научных исследованиях

Коновалов Д.А. Позиции российского монарха как рационального диктатора в контексте теории общественного выбора // Теории и проблемы политических исследований. 2015. № 3. С. 14-31.

Ключевые слова

Диктатор, диктатура, «игра в диктатора», интерес, монархия, общее благо, рациональное поведение, рациональность, российская история, российская самодержавная монархия, стационарный бандит, теория общественного выбора, «фиаско государства», частное благо.

Введение

Рассматривая институт российской монархии с точки зрения теории общественного выбора, мы способны выделить ее методологический и эвристиче-

ский потенциал для анализа отечественного и общемирового исторического и политического процесса. Теория общественного выбора занимается изучением принятия нерыночных решений с целью обеспечения общего блага. Поскольку человек с точки зрения данной теории является существом рациональным и эгоистичным, то практическая плоскость функционирования российской монархии может быть сведена к тому, каким образом человек в традиционном обществе трансформирует частное благо в общественное и наоборот, как общее благо влияет на приобретение рациональным индивидом частного блага.

Монархия и диктатура

Мы полагаем, что российская самодержавная монархия – это религиозная идея, воплощенная в общественных и политических институтах, а потому представляющая собой и форму правления; характеризующая доминат божественного источника установления и функционирования властных отношений, наиболее полно реализующихся и эффективно действующих в единоличном господстве, которое тем не менее несет ответственность за проводимую политику, поскольку опирается на нормы религиозной морали. В свою очередь, диктатура есть форма осуществления власти, при которой правящая группа, независимо от формы правления, осуществляет управление прямым, директивным путем, опираясь не только на физическое, но и на символическое насилие над личностью с целью обеспечения ее лояльности. Получается, что не всякая диктатура может быть монархией, так же как и не любая монархия может быть диктатурой, несмотря на множество отдельных случаев соединения двух автократических способов правления [Филиппов, www]. Рассуждая дальше относительно природы монархии и диктатуры, следует отметить, что некоторые монархии могут представлять собой вариант цивилизованной диктатуры, то есть потенциально быть в состоянии осуществления прямого насилия над подданными. Применяя более широкое определение, можно считать монархию формой проявления символической диктатуры и насилия со стороны политических институтов в виде права, религии, информационных средств и технологий. Другими словами, духовные либо символические убеждения ста-

новятся инструментом установления контроля и ограничений над другим человеком, следовательно, монархия от диктатуры отличается лишь контекстом и частными случаями. Так, монархии позиционируют себя как более гуманные институции, нацеленные на благо человека и общества. Например, монарх, преодолевая стремления к частному благу, направляет каждое «особенное предприятие» на благо общее, выразителем которого он сам и является. Таким образом, та модель государственного эгоизма, когда интересы монарха совпадают с общим благом, переносится его волей на все общество, чтобы интересы каждого отдельного индивида, сословия совпадали с благом Отечества. Многие монархические интеллектуалы в своих работах писали о различиях между монархией и диктатурой. Более того, ими признавалась опасность диктатуры для общества, либо происходило предупреждение граждан какой-либо страны о том, что монархия способна выродиться в диктатуру. Безусловно, монархия и диктатура имеют один общий корень – это автократическая форма господства, которая основана на неограниченном и неподконтрольном полномочии одного лица в государстве.

Сопоставляя далее определения феномена монархии и диктатуры, признаем сходство данных форм управления в том, что наличие одной политической позиции переключается с технологией принимаемого решения с его последующей реализацией. Дело в том, что при монархиях решения могут приниматься либо коллегиально, либо единовластно, но способ реализации решения преимущественно директивный. Наблюдая различные условия функционирования монархий и диктатур в исторической ретроспективе и современных политических процессах в разных регионах мира, мы приходим к выводу о том, что диктатура является более широким феноменом, потому что показывает способ воспроизводства политического режима, тогда как монархия как форма правления показывает только способ организации и передачи власти [Knutsen, www]. Таким образом, существуют общества, которые по форме правления, к примеру, являются абсолютными монархиями, но способ реализации власти, то есть политический режим, становится диктаторским по смыслу. Естественно, мы вынуждены признать ограниченность такого суждения потому только, что монархия и диктатура – феномены неравнозначные. Характер диктатуры свя-

зан с тем, что власть эта непостоянная, имеет преходящий характер, в отличие от монархической власти, но история российской монархии наглядно показывает, что большинство монархов были по существу своему временными диктаторами. Первые монархи на Руси были, с нашей точки зрения, диктаторами, поскольку существовало негласное правило передачи власти, соответственно, данный вопрос тесно связан с законодательством о престолонаследии. Парадоксально, но даже император Павел I, издавший Указ о престолонаследии 1797 г., призванный урегулировать династические споры, сам же пал жертвой заговора и дворцового переворота.

В процессе анализа возникает фундаментальный вопрос: что обозначают основания монархии и диктатуры с позиции теории общественного выбора для человека, который ведет себя рационально в политических отношениях, пытаясь неэкономическим путем добиться для себя частного блага, либо сопрягая частные интересы с общественным благом, извлечь для себя все то же частное благо? Мы считаем, что абсолютного монарха как руководителя государства можно уподобить диктатору, поскольку он соединяет в себе полноту государственной власти, имеет право самостоятельного принятия решений с целью реализации общего блага. Именно в этом, по нашему мнению, заключается соединение двух ролей и фигур – монарха и диктатора – в качестве объектов для изучения феномена управления и принятия решений с точки зрения теории общественного выбора.

Российская монархия в контексте теории общественного выбора

Рассматривая общественный выбор как «экономическое исследование принятия нерыночных решений, или просто как применение экономической теории в политической науке», при изучении поведения человека в абсолютных монархиях мы делаем своеобразные допущения:

1. Человек, являясь эгоистичным и рациональным максимизатором полезности, остается таковым при монархиях и диктатурах. Это означает, что рациональность человека трансгранична, то есть не всегда предполагает жесткую

зависимость частных интересов от социального окружения или политических режимов, несмотря на то, что существуют их модификации.

2. Если государство существует отчасти как аналог рынка ради поставки общественных благ и устранения внешних эффектов, оно должно выполнять ту же задачу выявления предпочтений относительно этих общественных благ, которую рынок выполняет для частных благ. Монархии и диктатуры занимают выявлением предпочтений населения. Монархия может выявлять экономические, а также социальные (потребность в защите), культурные и духовные предпочтения подданных. В основном это связано с тем, что монархии и диктатуры путем государственного управления могут формировать предпочтения подданных, а не только реагировать на них. Феномен подданства, по нашему мнению, нуждается в значительной корректировке и дальнейшем изучении. Подданный в абсолютной монархии может осознавать собственные интересы и технологию их реализации, но фундаментальное отличие подданства от гражданства, с нашей точки зрения, заключается в том, что рациональность гражданина функционирует в контексте национального государства и демократических политических режимов, тогда как рациональность подданного тесно связана с обществом традиционным. Другими словами, в капиталистических и демократических государствах с развитыми институтами гражданского общества не может быть подданных, существуют только граждане. Следует отметить, что форма приспособления подданных к системе есть такой же рациональный акт, как и нелояльность граждан к своему государству, и вот почему. Если исходить из негативного контекста, то действия рационального индивида могут быть связаны, например, с обеспечением собственной безопасности от произвола государственной машины. Потребность в безопасности от произвола государства является для человека рационально осознанной потребностью, следовательно, даже в тоталитарных режимах человек может вести себя как рациональный субъект, заботящийся о своей безопасности. Преференции подданный также может извлечь, если он находится, к примеру, на каком-то этапе карьерной лестницы, которая предполагает личное обогащение человека, обретение власти и т.д. Другими словами, рациональному индивиду в условиях абсолютной монархии будет выгоднее подчиниться, заранее предполагая, что

все прочие игроки разобщены и вынуждены при отсутствии информации осуществлять свою деятельность, поскольку это может привести к получению выгоды. Кроме этого, стимул скрывать истинные намерения и мнения о монархе становится все сильнее вместе с усилением репрессий и желанием монарха осуществлять абсолютную власть. Каждый гражданин в случае открытого выражения мнения о монархе или его политике должен задать себе вопрос: не послужат ли его взгляды не только препятствием для улучшения благосостояния, но и для выявления его в качестве объекта репрессий? Таким образом, при абсолютной монархии от подданного можно ожидать сокрытия своего истинного отношения к монарху и его политике, что справедливо как для обычного человека, так и для ближайших и наиболее влиятельных советников монарха.

Деннис Мюллер в работе «Общественный выбор» утверждает, что диктатура рождается из анархии. Можно ли сказать то же самое о монархии? Мы утверждаем, что именно это можно сказать об абсолютной монархии. Соглашаясь с положениями Д. Мюллера о рациональном диктаторе, мы считаем, что монарх также считается максимизатором богатства, который «живет его перераспределением от тех, кем он правит, в свою пользу. Одной из стратегий, которой может следовать такой максимизатор богатства в мире, где индивиды живут в мирной анархии в малых сообществах, – это учреждение военной силы и передвижение от одного сообщества к другому, экспроприируя все и всякое богатство, которое каждое из них накопило» [Мюллер, 2007, 539]. Данный тип монархии и зародился на территории Киевской Руси, предпосылками становления которой было следующее: преодоление анархического, безгосударственного состояния некоторых славянских племен, когда новгородцами была призвана наемная скандинавская дружина во главе с Рюриком; наличие военизированной дружины во главе с князем, которая получала преференции путем несения службы и совершения набегов на другие территории; широкое распространение подчас нелегальной системы сбора налогов – полюдья (сбора дани князьями с подвластных территорий). В таком мире, по мнению Д. Мюллера, «любой не входящий в кочующую армию индивид не имеет стимулов накапливать богатство, так как он должен жить в ожидании того, что кочующий бандит и его армия придут и лишат его накопленного им богатства. Рацио-

нальный, максимизирующий благосостояние бандит пожелает дать индивидам стимулы накапливать богатство, так что будет больше богатства для изъятия. Такие стимулы могут быть обеспечены, если бандит отбирает только часть богатства сообщества и защищает остающееся богатство от других кочующих бандитов. Таким образом, кочующий бандит может накопить больше богатства, став стационарным бандитом, обеспечивающим все общественные блага и услуги (включая полицейскую защиту и оборону против нападений извне), которые дадут стимулы для тех, кого он грабит, создавать богатство» [Мюллер, 2007, 539]. Приведенная обширная цитата Д. Мюллера, с нашей точки зрения, показывает способ возникновения русской монархии, хотя правильнее назвать ее монархией восточно-славянских племен, период существования которой охватывает конец IX в. и вплоть до монгольского нашествия середины XIII в. Полюдь, военная дружина, диктаторское в своем принципе управление, пренебрежение человеческой личностью (вспомнить хотя бы социальную иерархию в Русской Правде), борьба с печенегами и половцами как другим вариантами бандитизма – таковы основания становления восточно-славянской монархии. Сформированное единое централизованное русское государство (конец XV в.) впоследствии также сохранило статус стационарного бандита, который занимался перераспределением богатства и других ресурсов в пользу себя и своей социальной базы. Вообще, можно сказать, что становление феодального государства, с которым связан расцвет монархии, – это период превращения государства и института монархии в стационарного бандита. Поскольку феодальное государство становится главным держателем собственности, что вполне объяснимо, потому что накоплены богатства определенной группой людей во главе с князем, то контекст социальных, экономических и политических отношений связан с тем, что группа распределения ресурсов, которой люди могли доверить данную операцию, могла возникнуть в то время только таким способом. Поэтому монархические государства, возникнув, сформировались в результате превращения кочующих бандитов в бандитов стационарных. К примеру, боярские вотчины – это центральная экономическая единица стационарного бандитизма, тогда как поместье – это единица несколько другого рода, поскольку дворяне получали эту собственность за «службу государеву», но смысл приоб-

ретенция собственности, и даже частной собственности, похож на игру в рационального диктатора. Любой монарх есть рациональный диктатор, поскольку он оказывается самым главным игроком в социальной и политической системе. Таким образом, предположение о том, что монарх использует свою власть для трансформации получаемых от подданных доходов в личное потребление, отвечает поведению многих монархов, однако некоторые из них в своих действиях движимы желаниями, которые выходят далеко за пределы их личного потребления. Допустим, монарх, одержимый идеологией, стремится к тому, чтобы его подданные придерживались определенных принципов, лежащих в основе идеологии, и жили в соответствии с ними. Он стремится к власти над подданными, власти, позволяющей контролировать их мысли и дела. Так, например, к этому стремились Иван III, Иван IV, Пётр I, Николай I, Александр III.

Монарх и диктатор: сходство и различие

Поскольку многие могут найти власть и / или образ жизни монарха привлекательными, то многие могут пожелать занять его место. Если монарх желает продолжать использовать власть и наслаждаться благами, которые приносит его положение, он должен пресекать попытки других сместить его. И здесь, с нашей точки зрения, кроется фундаментальное отличие монарха от диктатора. Феномен монархии связан с тем, что порядок престолонаследия аксиоматически закрепляет процесс наслаждения монарха частными благами. Это связано с тем, что социальной системе это выгодно, потому что таким образом достигается предсказуемость ее дальнейшего поведения. Используя феномен социальных стереотипов, можно сказать, что люди боятся разрушения социальной и политической системы, соответственно, используют именно такой тип поведения, который, являясь рациональным социальным действием, приводит к сохранению системы. Престолонаследие позволяет сохранить свое положение – безопасность «рабочего места» монарха, одной из тех целей, которую очень трудно достичь диктатору.

При абсолютных монархиях, так же как и при диктатуре, всеохватывающими являются предпочтения монарха, а не подданных, и, таким образом,

государственные налоги и расходы ориентированы (по крайней мере, частично) на удовлетворение его потребительских запросов, тогда как в демократии государственные налоги и расходы ориентированы на максимизацию благосостояния граждан от потребления общественных и частных благ. Как глава государства монарх руководит государственной бюрократией, и он должен как минимум осуществлять свою власть над нею ради достижения других своих целей. Если он стремится навязать особую идеологию всем своим подданным, то он должен властвовать над всеми ними. Таким образом, монарх, как и любой другой бюрократ, стремится к власти. Ярким примером считаем становление и существование российской абсолютной монархии при Петре I, заканчивая февральской революцией.

Стратегические инструменты монарха

Принимая во внимание перечисленные позиции, мы можем выразить полезность монарха как функцию потребления C , власти P , и безопасности S : $U(C, P, S)$. Для достижения этих целей монарх опирается на два стратегических инструмента – лояльность своих подданных и репрессии по отношению к ним. Лояльность обеспечивается за счет улучшения положения подданных. Предположим, что лояльность подданных в условиях монархии увеличивается вместе с их очищенными от налогов доходами, $L = L(YT)$, $L' > 0$, $L'' < 0$. Для подавления определенных действий граждан монарх должен затрачивать ресурсы на полицию, тюрьмы, информаторов и т.д. Таким образом, уровень репрессий есть функция от величины налогового дохода, потраченного на них, $R = R(TR)$, $R' > 0$, $R'' < 0$. Разумно предположить, что как власть монарха, так и прочность его положения увеличиваются вместе с ростом лояльности его подданных и величины ресурсов, выделенных на репрессии, $P = P(L, R)$, $\partial P / \partial L > 0$, $\partial^2 P / \partial L^2 < 0$, $\partial P / \partial R > 0$, $\partial^2 P / \partial R^2 < 0$; $S = S(L, R)$, $\partial S / \partial L > 0$, $\partial^2 S / \partial L^2 < 0$, $\partial S / \partial R > 0$, $\partial^2 S / \partial R^2 < 0$. Так, можно привести пример российской монархии начала XX в., или так называемой «третьеиюньской монархии» в предвоенный период 1907-1914 гг., когда российское правительство с согласия монарха осуществляло репрессии (военно-полевые суды), а затем предупреждало появле-

ние конфликтных зон (Ленский расстрел 1912 г.), подавляло революцию 1905-1907 гг., одновременно проводя аграрные и экономические реформы, которые повышали благосостояние подданных, поскольку именно в это время России удалось выйти из мирового экономического кризиса 1904-1908 гг. и за короткое время вернуть себе позиции одной из самых быстро развивающихся стран мира. Также стоит упомянуть, что в обеспечении лояльности немаловажную роль всегда играла Православная церковь, которая оказывала большое влияние на формирование человека как личности [Тупицин, 2013, 54].

Репрессивные (запретительные) политические действия абсолютного монарха, похоже, сеют недоверие и страх и во многих случаях разрушают добрую волю и лояльность подданных, которые могут породить иные политические мероприятия государства (бесплатное образование, субсидирования жилья и искусства, здравая экономическая политика). Таким образом, кажется вероятным, что монарх будет осуществлять инвестиции в формирование лояльности и репрессии селективно. Одной из стратегий может быть культивирование лояльности тех индивидов или групп, которые в состоянии внести наибольший вклад в успех монархии, и проведение репрессий по отношению к тем, кто может причинить ей наиболее сильный ущерб. Лояльность определенной группы может быть столь же хорошо обеспечена путем передачи ей дохода от какой-либо другой группы, как и за счет создания дохода путем поставки чистых общественных благ и проведения эффективной экономической политики. Таким образом, от монарха как рационального диктатора можно ожидать не только трансфертов дохода от сообщества себе самому ради удовлетворения своих личных потребительских запросов и амбиций, но также трансфертов дохода в пользу отдельных групп сообщества, лояльность которых он более всего желает укрепить. Те же группы, которые наблюдают изъятие своих доходов на финансирование подобных трансфертов, становятся очевидными объектами репрессий. К примеру, главные целевые группы российской монархии времен абсолютизма XVIII – начала XX вв. – дворянство, духовенство, крестьянство, купечество, иностранцы. Нелояльные группы – интеллигенты-разночинцы с радикально-демократическими и социалистическими (реже – либеральными) взглядами, старообрядцы, атеисты, политизированные рабочие и крестьяне.

В процессе осуществления своей деятельности многие монархи сталкиваются с так называемой дилеммой диктатора: чем более абсолютной является власть монарха и более жесткими проводимые им репрессии для ее сохранения, тем беднее его источники информации о том, как осуществлять власть наиболее эффективно. Поскольку российская монархия, как мы выяснили, является стационарным бандитом, то именно религия (православие) стала не только объединяющим фактором, но и выстроила коммуникацию между стационарным бандитом и гражданами с целью обеспечения их лояльности по отношению к государству, которое, по мнению Т. Вильке, в условиях нерыночных отношений могло субъективно распределять ресурсы, в том числе и ценности [Wilke, www]. Мы считаем, что любой политик, в том числе и монарх, и диктатор, способен переводить свои рациональные действия в сферу аффективных, традиционных и ценностно-рациональных трансакций, которые способствуют повышению его авторитета в обществе и накоплению тем самым культурного капитала.

Термин «абсолютная монархия», или «самодержавная монархия», по нашему мнению, означает антитезис демократии. Только предпочтения монарха имеют значение. Однако здесь интерес монарха сталкивается с проблемами «принципал-агент» в стремлении вынудить бюрократов, которых он номинально контролирует, продвигать интересы монарха, а не свои собственные. Это заставляет монарха, желающего добиться послушания бюрократии, задействовать вознаграждения и санкции, которые во многом сходны с используемыми при демократии [Норре, 1995, 96]. Граждане могут заставить монарха чувствовать себя в большей или меньшей безопасности, предоставляя ему свою поддержку и лояльность или лишая его их. Это заставляет монарха взвешивать воздействие выбранного им политического курса на благосостояние граждан, что во многом схоже с тем, как избранные партийные должностные лица должны взвешивать воздействие своих действий на благосостояние избирателей.

Крушение российской монархии как общественный выбор

В целях выстраивания поддержки своего режима российские монархи нуждались в способе достоверного сигнализирования тем, чьей лояльности они до-

бываются, что впоследствии они не переменяют внезапно к ним своего отношения (например, Жалованная Грамота дворянству 1785 г. [Грамота на права..., www]). Те, кто ищет рент и иных вознаграждений от монарха, нуждаются в способах сигнализирования о своей готовности обменять ренты на лояльность. В общем, монархам требуется критерий для определения, кого награждать, а кого – нет, а также кого следует подвергнуть репрессиям. Здесь полезную роль играет идеология. При теократии, например, различие между гражданами может быть проведено на основании их принадлежности или непринадлежности к государственной религии. Не принадлежащие к ней становятся очевидным объектом репрессий и налогообложения (Уголовный кодекс Российской империи 1845 г. содержал статьи, посвященные религиозным правонарушениям [Уложение о наказаниях..., www]). Поддержка монарха приверженцами государственной религии строилась через трансферты и другие меры обеспечения лояльности. Идеология режима идентифицировала вероятных получателей выгод и проигравших в результате правительственной политики и до некоторой степени обязывала монарха не задействовать репрессии против граждан, принадлежащих к государственной религии. Наличие государственной религии помогло создать доверие к обещаниям монарха, как, в общем, и сделало православие, хотя оно не смогло воспрепятствовать «фиаско государства». С.Г. Коковин считает, что «под «фиаско государства» в либеральной парадигме понимают неспособность государственной машины эффективно удовлетворять интересам граждан» [Коковин, 2003, www]. При рассмотрении исторического примера России возникает довольно интересный вопрос о том, как и за счет чего произошло «фиаско государства» в России в 1917 году. Возможно ли доказать существование разрыва связи между кризисным состоянием стационарного бандита и нарастанием нелояльности со стороны подданных? Ведь не нашлось даже одной организованной социальной группы, которая выступила бы в поддержку старого режима и попыталась бы защитить российского монарха. Мы думаем, что стоит искать разрешение данного вопроса через ту же игру в диктатора, которая упоминалась нами ранее. Так, при прочих равных условиях «игра в диктатора» показала, что человек, распределяя ресурсы, «отдает часть их другим людям, хотя может этого не делать» [Aguilar, Brañas-Garza,

Miller, 2008, www]. Именно эта модель рационального диктатора и потерпела поражение к 1917 году в России. С нашей точки зрения, вполне вероятно, что подданные империи в плане ресурсов получили больше, чем это всегда было, с последующей гарантией увеличения предпочтений. При росте экономики после отмены крепостного права в 1861 году у некоторых социальных групп, прежде всего, интеллигенции, частично у крестьянства, появились обманутые ожидания [Миронов, 2012]. Пользуясь терминологией теории общественного выбора, скажем, что монархическое государство в России как институт перестало эффективно распределять ресурсы, поскольку даже экономически оно стало распределять чуть больше, а потом прекратило поставлять трансферты в предполагаемых количествах. Первая мировая война и последующая за ней февральская революция определяются нами как результат «игры в цыпленка» как на международной арене, так и во внутренней политике. России пришлось сойти с дистанции и отъехать в сторону, потому что поступить иначе было невозможно, поскольку политическая ситуация не предложила обществу альтернатив решения конфликта. Произошло общее снижение уровня жизни, возросла социальная напряженность, и люди сделали свой общественный выбор. В условиях неопределенности информации революцию поддержали жители провинций.

Февральская революция и крушение российской монархии – события, ставшие итогом адекватного восприятия режима подданными, следовательно, правило единогласия перестало соблюдаться, так же как и перестал соблюдаться Парето-оптимум – оптимальное распределение, наилучший результат из возможных ходов всех участников в игре или цепочке игр. К тому же в период конца XIX – начала XX в. частное благо стало для жителей Российской империи важнее общего благоденствия государства, что привело в конечном счете к исчезновению его прежних органов доставки общественного блага.

Заключение

Мы считаем, что теорию общественного выбора следует рассматривать как методологию познания мира политики и политических процессов, дея-

тельности политических институтов и поведения отдельных акторов. Анализируя сходства и различия, а также, в общем, природу и смысл рациональной диктатуры и российской самодержавной монархии, мы можем интерпретировать отдельные события и порой весь исторический процесс с точки зрения теории общественного выбора. Данная интерпретация, с нашей точки зрения, приобретает очевидную ценность, так же как и в начале XX века работа американского политолога А. Бентли, который стал рассматривать политику через призму плюрализма интересов, считая это понятие фундаментальным основанием данной сферы человеческих отношений (см.: [Бентли, 2012]). Изучая историю российской монархии, мы выясняем главное движущее начало отечественной и мировой истории и политики – личный интерес, трансформирующийся в интерес общественно-политический, стимулирующий определенную линию рационального поведения индивида в обществе и политике, не взирая на структуру политического режима, поскольку тип политической системы или режима способен формулировать лишь другую форму рациональности. Познавая историю и политику, по нашему мнению, следует руководствоваться методологическим инструментарием теории общественного выбора, потому что именно данная теория редуцирует многообразие политических отношений и форм политической деятельности до состояния интереса, рационального (то есть максимизирующего выгоду) поведения и обретения политическим актором частного блага. В этом, с нашей точки зрения, и заключается анализ политики в качестве категории *polіcy* – поведения политического актора с целью обретения для себя предпочтений, трансформируя их в общественные интересы, ценности и формируя тем самым политическую повестку дня.

Библиография

1. Бентли А. Процесс государственного управления. Изучение общественных давлений. М.: Перо, 2012. 408 с.
2. Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства // Сайт Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

- URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/dv_gram.htm (дата обращения: 26.10.2014).
3. Коковин С.Г. Лекции по теории игр и политологии. Часть 2: Модели политики и политэкономии // Сайт Института математики им. С.Л. Соболева. URL: <http://math.nsc.ru/~mathecon/Kokovin/m2polit.pdf> (дата обращения: 28.10.2014).
 4. Миронов Б.Н. По классическому сценарию: русская революция 1917 года в условиях экономического роста и повышения уровня жизни // Экономическая политика. 2012. № 1. С. 66-77.
 5. Мюллер Д. Общественный выбор III. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 994 с.
 6. Тупицин А.А. Поместные Соборы XX века как феномен духовной жизни: на примере Усть-Кутского Собора Катакомбной Церкви 1937 г. // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2013. № 1-2. С. 54-60.
 7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) // История России. Мультимедиа-учебник. URL: <http://www.history.ru/content/view/1114/87/> (дата обращения: 28.10.2014).
 8. Филиппов А. Техника диктатуры: к логике политической социологии // Интеллектуальная Россия. URL: http://www.intelros.ru/pdf/material_sofi/filipov/diktatura.pdf (дата обращения: 26.10.2014).
 9. Aguiar F., Brañas-Garza P., Miller L.M. Moral distance in dictator games // Digital.CSIC. URL: <http://digital.csic.es/bitstream/10261/7638/1/dictator.pdf> (дата обращения: 16.11.2014).
 10. Hoppe Н.Н. The political economy of monarchy and democracy, and the idea of a natural order // Journal of libertarian studies. 1995. Vol. 11. No. 2. Pp. 94-121.
 11. Knutsen С.Н. The Diverging Economic Dynamics of Dictatorships: Enlightened Rule and Tyranny? // Folk.uio.no. URL: <http://folk.uio.no/carlhk/publications/Troms%C3%B8paperKP%20CHK.pdf> (дата обращения: 15.11.2014).
 12. Wilke T. The Investment Theory of Wars: Belligerent Dictators in the North/McGuire-Model of Autocracy // Duisburg-Essen Publications online. URL: <http://duepublico.uni-duisburg-essen.de/servlets/DerivateServlet/Derivate-5194/wilke.pdf> (дата обращения: 19.11.2014).

The positions of a Russian monarch as a rational dictator in the context of public choice theory

Denis A. Konovalov

Teacher,

Department of political science,

Dostoevsky Omsk State University,

644077, 55a Mira avenue, Omsk, Russian Federation;

e-mail: denko1990@gmail.com

Abstract

The article presents the results of the research on the positions of a Russian monarch. The research was carried out using the methodological tools of public choice theory. The article determines the common bases of behaviour of a monarch and a rational dictator. The Russian state is considered to be a stationary bandit that is at the same time the cause and consequence of the political situation and rational behaviour of certain political actors. The article gives an institutional definition of the term "monarchy" that subsequently leads to representation of the general positions of behaviour of a Russian monarch as a rational dictator. Analyzing similarities and differences between rational dictatorship and Russian autocratic monarchy as well as their nature, people can interpret detached events and sometimes the whole historical process from the perspective of public choice theory. Studying the history of the Russian monarchy, the author of the article finds out that the main driving force of Russian and world history and politics is personal interest transforming into political interest and stimulating a certain line of rational behaviour of an individual in society and politics (regardless of the structure of a political regime).

For citation

Konovalov D.A. (2015) Pozitsii rossiiskogo monarkha kak ratsional'nogo diktatora v kontekste teorii obshchestvennogo vybora [The positions of a Russian monarch as a rational dictator in the context of public choice theory]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 3, pp. 14-31.

Keywords

Dictator, dictatorship, "dictator game", interest, monarchy, common good, rational behaviour, rationality, Russian history, Russian autocratic monarchy, stationary bandit, public choice theory, "fiasco of the state", private good.

References

1. Aguiar F., Brañas-Garza P., Miller L.M. (2008) Moral distance in dictator games. *Digital.CSIC*. Available from: <http://digital.csic.es/bitstream/10261/7638/1/dictator.pdf> [Accessed 16/11/14].
2. Bentley A. (1995) *The process of government: A study of social pressures*. 2nd ed. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers. (Russ. ed.: Bentli A. (2012) *Protsess gosudarstvennogo upravleniya. Izuchenie obshchestvennykh davlenii*. Moscow: Pero Publ.)
3. Filippov A. Tekhnika diktatury: k logike politicheskoi sotsiologii [The technique of dictatorship: the logic of political sociology]. *Intellektual'naya Rossiya* [Intellectual Russia]. Available from: http://www.intelros.ru/pdf/material_sofi/filipov/diktatura.pdf [Accessed 26/10/14].
4. Gramota na prava, vol'nosti i preimushchestva blagorodnogo rossiiskogo dvoryanstva [Charter for the Rights, Freedoms, and Privileges of the Noble Russian Gentry]. *Sait Istoricheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova* [The site of the Faculty of history of Lomonosov Moscow State University]. Available from: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/dv_gram.htm [Accessed 26/10/14].
5. Hoppe H.H. (1995) The political economy of monarchy and democracy, and the idea of a natural order. *Journal of libertarian studies*, 11 (2), pp. 94-121.
6. Knutsen C.H. The diverging economic dynamics of dictatorships: enlightened rule and tyranny? *Folk.uio.no*. Available from: <http://folk.uio.no/carlhk/publications/Troms%C3%B8paperKP%20CHK.pdf> [Accessed 15/11/14].
7. Kokovin S.G. (2003) Lektsii po teorii igr i politologii. Chast' 2: Modeli politiki i politekonomii [Lectures on game theory and political science. Part 2: Policy and political economy models]. *Sait Instituta matematiki im. S.L. Soboleva*

- [The site of Sobolev Institute of Mathematics]. Available from: <http://math.nsc.ru/~mathecon/Kokovin/m2polit.pdf> [Accessed 28/10/14].
8. Mironov B.N. (2012) Po klassicheskomu stsenariyu: russkaya revolyutsiya 1917 goda v usloviyakh ekonomicheskogo rosta i povysheniya urovnya zhizni [The classic scenario: the Russian Revolution of 1917 under conditions of economic growth and improving living standards]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic policy], 1, pp. 66-77.
 9. Mueller D.C. (2003) *Public Choice III*. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press. (Russ. ed.: Myuller D. (2007) *Obshchestvennyi vybor III*. Moscow: GU VShE Publ.)
 10. Tupitsin A.A. (2013) Pomestnye Sobory XX veka kak fenomen dukhovnoi zhizni: na primere Ust'-Kutskogo Sobora Katakombnoi Tserkvi 1937 g. [Church councils of the XX century as a phenomenon of spiritual life: evidenced from the Ust-Kut Cathedral of Catacomb Church in 1937] *"Belye pyatna" rossiiskoi i mirovoi istorii* ["White Spots" of the Russian and World History], 1-2, pp. 54-60.
 11. Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh (1845 g.) [Code of Criminal and Corrective Punishment of 1845]. *Istoriya Rossii. Mul'timedia-uchebnik* [The history of Russia: A multimedia tutorial]. Available from: <http://www.history.ru/content/view/1114/87/> [Accessed 28/10/14].
 12. Wilke T. The investment theory of wars: Belligerent dictators in the North/McGuire-model of autocracy. *Duisburg-Essen Publications online*. Available from: <http://duepublico.uni-duisburg-essen.de/servlets/DerivateServlet/Derivate-5194/wilke.pdf> [Accessed 19/11/14].